

Тарантьев

Тарантьев Михай Андреевич — персонаж романа И.А. Гончарова «Обломов», земляк Обломова. Откуда он появился и каким образом втерся в доверие Ильи Ильича, — неизвестно. Тарантьев появляется на первых же страницах романа — «человек лет сорока, принадлежащий к крупной породе, высокий, объемистый в плечах и во всем туловище, с крупными чертами лица, с большой головой, с крепкой, коротенькой шеей, с большими навыкате глазами, толстогубый. Беглый взгляд на этого человека рождал идею о чем-то грубом и неопрятном».

Подобный тип чиновника-взяточника, грубияна, готового каждую минуту бранить всех на свете, но в последнюю минуту трусливо скрывающегося от заслуженной расправы, в литературе открыт не Гончаровым. Распространение же он получает именно после Гончарова, в творчестве Салтыкова-Щедрина, Сухова-Кобылина. Тарантьев — это тот «грядущий Хам», который постепенно воцарялся по всей России и который вырос в грозный символ в образе сухово-кобылинского Расплюева.

Но есть у Тарантьева еще одна любопытная черта. «Дело в том, что Тарантьев мастер был только говорить; на словах он решал все ясно и легко, особенно что касается других; но как только нужно было двинуть пальцем, тронуться с места — словом, применить им же созданную теорию к делу и дать ему практический ход... он был совсем другим человеком: тут его не хватало...» Эта черта, как известно, характеризует не только грубых и неотесанных персонажей названных писателей, но в какой-то мере «лишних людей». Подобно Тарантьеву, они тоже оставались «теоретиками на всю жизнь», прилагая свою отвлеченную философию к месту и не к месту. Подобному теоретику необходим рядом практик, который мог бы воплотить в жизнь его замыслы. Тарантьев находит себе «кума» Ивана Матвеевича Мухоярова, человека нравственно нечистоплотного, готового на любую подлость, ничем не брезгающего в жажде накопления.

На первых порах Обломов верит в то, что Тарантьев в состоянии помочь ему в заботах по имению, в перемене квартиры. Постепенно, не без влияния Ольги Ильинской и Штольца, Илья Ильич начинает понимать, в какую трясику пытается затянуть его Тарантьев, медленно заставляя Обломова опускаться на самое дно жизни. Отношение Тарантьева к Штольцу — не столько презрение русского человека к немцу, которым Тарантьев скорее прикрывается, сколько страх разоблачения грандиозных махинаций, которые Тарантьев надеется довести до конца. Ему важно с помощью доверенных лиц прибрать к рукам Обломовку, получая проценты с доходов Ильи Ильича, да и самого его как следует запутать, раздобыв доказательство связи Обломова с Пшеницыной.

Тарантьев ненавидит Штольца, называя его «продувной бестией». Из страха перед тем, что Штолец все же увезет Обломова за границу или в Обломовку, Тарантьев торопится при содействии Мухоярова заставить Илью Ильича подписать грабительский контракт на квартиру на Выборгской стороне. Этот контракт лишает Обломова возможности каких бы то ни было действий. Вслед за этим Тарантьев уговаривает Мухоярова, «пока не перевелись олухи на Руси», поспеть сосватать Обломову нового управляющего в имение, Исаю Фомича Затертого, весьма удачливого во взятках и подлогах.

Следующим шагом Тарантьева становится проведение в жизнь (с помощью того же Мухоярова) идеи о «долге» Обломова. Будто бы оскорбившись за честь сестры, Мухояров должен обвинить Илью Ильича в притязаниях на вдову Пшеницыну и подписать бумагу о возмещении морального ущерба на сумму десять тысяч рублей. Бумага затем переписывается на имя Мухоярова, и кумовья получают с Обломова деньги.

После разоблачения этих махинаций Штольцем Тарантьев исчезает со страниц романа. Лишь в самом конце он упоминается Захаром, который при встрече со Штольцем у кладбища на Выборгской стороне рассказывает, сколько пришлось ему вытерпеть после смерти Ильи Ильича от Мухоморова и Тарантьева, хотевших сжить его со свету. «Михей Андреич Тарантьев все норовил, как пройдешь мимо, сзади ногой ударить: житья не стало!» Таким образом Тарантьев мстил Захару за пренебрежение, которое слуга выказывал в те времена, когда Тарантьев приходил к Обломову пообедать и попросить то рубашку, то жилет, то фрак — естественно, без возврата. Всякий раз Захар вставал на защиту хозяйского добра, по-собачьи ворча на незваного гостя и не скрывая своих чувств к низкому человеку.